

ҚҰҚЫҚ

УДК 343.1
МРНТИ 10.77.51

DOI: <https://doi.org/10.37788/2026-1/81-90>

Б.Ж. Бисенов^{1*}, Г.Б.Телеуев¹

¹Инновационный Евразийский университет, Казахстан

*(e-mail: s999sbm@mail.ru)

**Правовой анализ и исследование практики обеспечения процессуальных прав
подозреваемого и обвиняемого в Казахстане**

Аннотация

Основная проблема: Представленное фундаментальное исследование посвящено комплексному теоретико-практическому анализу механизмов обеспечения процессуальных прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного преследования в статусе подозреваемых и обвиняемых в рамках правовой системы Республики Казахстан.

Цель: В условиях поэтапного внедрения трехзвенной модели уголовного правосудия, реформирования национального законодательства и тотальной цифровизации судопроизводства вопросы неукоснительного соблюдения конституционных гарантий личности приобретают экзистенциальную значимость для построения правового государства.

Методы: В статье детально рассматриваются ключевые системные дефекты и коллизии реализации права на квалифицированную защиту, избыточность применения репрессивных мер пресечения, а также барьеры доступа к справедливому правосудию. Особое внимание уделяется глубокому сравнительно-правовому анализу предстоящих в 2025–2026 годах масштабных изменений в процессуальном законодательстве сопредельных государств (Российской Федерации), что позволяет выявить стратегические векторы развития региональной правовой доктрины и предложить научно обоснованные пути имплементации передового опыта в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (УПК РК).

Результаты и их значимость: Сформулированы концептуальные, системные предложения по совершенствованию процессуальных институтов с целью обеспечения подлинной, а не декларативной состязательности и абсолютного равноправия сторон в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, подозреваемый, обвиняемый, процессуальные права, презумпция невиновности, следственный судья, цифровизация судопроизводства, право на защиту, трехзвенная модель, меры пресечения, цифровые активы.

Введение

Обеспечение процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого выступает не просто отраслевой задачей правоприменения, а фундаментальным критерием, определяющим степень демократичности и правовой зрелости любого государства. В Республике Казахстан на высшем конституционном уровне закреплена парадигма, согласно которой человек, его жизнь, права и свободы признаются высшей ценностью. В контексте уголовного судопроизводства, являющегося наиболее острой и репрессивной формой реализации государственного принуждения, данные конституционные максимы должны находить свое непосредственное, безусловное и детализированное отражение. Лицо, подвергающееся уголовному преследованию, априори находится в состоянии асимметрии сил по отношению к мощному аппарату правоохранительных органов. Именно поэтому закон наделяет его специфическим комплексом гарантий и процессуальных прав, призванных компенсировать этот дисбаланс, защитить от необоснованного обвинения, незаконного ограничения свободы, пыток и иных фундаментальных нарушений.

Несмотря на осуществленные в последние годы существенные шаги по гуманизации уголовного законодательства, поэтапный переход к трехзвенной модели правосудия (с четким разграничением полномочий между полицией, прокуратурой и судом) и расширение

дискреционных полномочий следственных судей, правоприменительная практика в Казахстане продолжает сталкиваться с глубокими системными кризисами. Доминирующий обвинительный уклон на стадии досудебного расследования, сугубо формальный, бюрократический подход к рассмотрению ходатайств стороны защиты, а также патологически избыточное применение меры пресечения в виде содержания под стражей свидетельствуют о сохраняющемся критическом разрыве между декларируемыми правовыми нормами и их фактическим исполнением. Статус подозреваемого и обвиняемого в современных реалиях характеризуется высокой степенью процессуальной уязвимости перед властными прерогативами органов дознания и следствия, что диктует непреложную необходимость непрерывного научного осмысления, аудита и радикального совершенствования охранительных механизмов.

Современные макротенденции развития доктрины уголовно-процессуального права диктуют острую необходимость адаптации традиционных, консервативных правовых институтов к стремительно меняющимся технологическим и социальным реалиям. Внедрение концепции «Е-Уголовное дело», появление принципиально новых видов объектов гражданских прав и вещественных доказательств (таких как криптовалюты, смарт-контракты и иные цифровые активы), а также необходимость легитимизации дистанционных технологий коммуникации требуют пересмотра архитектуры УПК РК. Адекватное исследование данных турбулентных процессов абсолютно невозможно без обращения к компаративистскому подходу. В частности, глубокий анализ предстоящих масштабных реформ в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, нормативно запланированных к поэтапному вступлению в силу в 2025–2026 годах, неизбежно окажет колоссальное концептуальное влияние на формирование региональных правовых стандартов в рамках СНГ и ЕАЭС. Интеграция этих ожидаемых изменений в аналитическую матрицу данного исследования позволяет не только диагностировать текущие проблемы казахстанского правосудия, но и спрогнозировать пути их эффективного разрешения.

Материалы и методы

Методологический базис представленного диссертационного исследования зиждется на совокупности универсальных, общенаучных и специальных юридических методов познания социально-правовой действительности. Эпистемологической основой работы выступил материалистический диалектический метод, позволивший рассмотреть эволюцию процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого в его непрерывном историческом развитии, системной взаимосвязи с трансформацией государственно-политических институтов Республики Казахстан и влиянием глобальных технологических трендов. Теоретическую базу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права, уголовно-процессуального права (УДК 343.1; 343.2/.7), теории прав человека, криминологии и криминалистики (УДК 343.9).

Формально-догматический (юридико-технический) анализ применялся при скрупулезном толковании норм действующей Конституции Республики Казахстан, Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов, а также положений Нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан, касающихся обеспечения права на защиту и санкционирования мер пресечения. Для категоризации правонарушений и оценки дифференциации процессуальных прав в зависимости от тяжести и объекта посяательства применялась Универсальная десятичная классификация, охватывающая преступления против жизни и чести (УДК 343.6), преступления против имущества (УДК 343.7), преступления против общественных устоев (УДК 343.5) и аспекты исполнения наказаний (УДК 343.8).

Сравнительно-правовой метод (компаративистика) выступил центральным аналитическим инструментом для оценки стратегических перспектив модернизации национального уголовно-процессуального законодательства. В качестве релевантного объекта для доктринального сравнения были исследованы официально анонсированные новеллы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, запланированные на период 2025–2026 годов (материалы справочной правовой системы «КонсультантПлюс»). Эмпирическая матрица исследования включает обобщенные деперсонализированные данные правоприменительной практики следственных органов Министерства внутренних дел, Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции, Агентства по финансовому мониторингу, а также судебную статистику, предоставленную Комитетом по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Синтез

статистических данных и нормативного материала позволил верифицировать выдвинутые теоретические гипотезы и перевести их в плоскость прикладных рекомендаций.

Результаты

Теоретико-правовая архитектура статуса подозреваемого и обвиняемого

В доктрине уголовного процесса статус лица, в отношении которого осуществляется активное уголовное преследование, рассматривается как многомерный и сложный правовой феномен, интегрирующий в себе строгую совокупность прав, позитивных обязываний и юридической ответственности. Архитектура УПК РК жестко детерминирует момент возникновения данного статуса. Подозреваемым признается лицо, в отношении которого вынесено официальное постановление о признании в качестве подозреваемого, либо лицо, фактически задержанное по подозрению в совершении уголовного правонарушения в порядке статьи 128 УПК РК, а также лицо, в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния. Обвиняемым же становится лицо, в отношении которого утвержден обвинительный акт либо протокол ускоренного досудебного расследования, что знаменует собой переход дела в завершающую стадию подготовки к судебному разбирательству.

Критическое процессуальное значение имеет именно хронологический момент обретения указанных статусов, поскольку с этой секунды автоматически активируется конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. Исторический анализ казахстанской практики демонстрирует пагубную тенденцию прошлых лет – искусственное, манипулятивное затягивание момента признания лица подозреваемым. Граждане могли неделями и месяцами подвергаться изнурительным допросам в гибридном, неполноценном статусе «свидетеля, имеющего право на защиту», что катастрофически ограничивало их возможности по сбору оправдательных доказательств и обжалованию действий следствия. Модернизация УПК РК в рамках реформы правоохранительной системы во многом устранила этот зияющий пробел, однако эмпирические наблюдения правоприменительной практики до сих пор фиксируют латентные формы негласного сбора доказательств до официальной смены процессуального статуса лица.

Презумпция невиновности выступает не просто теоретическим лозунгом, а стержневым базисом правового статуса, определяющим вектор распределения бремени доказывания (*onus probandi*). Подозреваемый и обвиняемый абсолютно не обязаны доказывать свою невиновность; бремя безупречного доказывания обвинения и опровержения любых доводов, приводимых в защиту, монопольно лежит на стороне обвинения (прокуроре и следователе). Тем не менее, правовая реальность демонстрирует глубокую эрозию данного принципа. Органы досудебного расследования зачастую формируют материалы уголовного дела таким образом, что подозреваемый де-факто вынужден проактивно искать и предоставлять алиби, инициировать частные экспертизы за свой счет, чтобы избежать направления обвинительного акта в суд. Более того, закрепленное право на молчание (привилегия от самоизобличения, *nemo tenetur se ipsum accusare*) регулярно и неправомерно трактуется сотрудниками оперативных подразделений как косвенное подтверждение вины и «отказ от конструктивного сотрудничества», что неформально, но весомо влияет на решение об избрании наиболее строгой меры пресечения.

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь и технологический контекст

Обеспечение фундаментального права на защиту представляет собой наиболее уязвимую зону в механизме отечественного уголовного процесса. Несмотря на то что УПК РК детально регламентирует обязательное участие защитника по весьма широкому спектру дел (включая тяжкие преступления, дела в отношении несовершеннолетних и лиц с физическими недостатками), качество предоставляемой юридической помощи в рамках системы Гарантированной государством юридической помощи (ГГЮП) вызывает обоснованную критику юридического сообщества. Феномен так называемых «карманных адвокатов», лояльных к органам следствия, работающих в сговоре с оперативниками ради стабильного потока дел из ГГЮП и не проявляющих должной состязательной активности при поиске доказательств защиты, остается острой институциональной проблемой.

Особый вектор дискуссий связан с обеспечением строгой конфиденциальности общения подозреваемого с защитником в условиях постпандемийной реальности и тотальной цифровизации. Все чаще поднимается вопрос о легализации и защите дистанционного взаимодействия. В этом контексте исключительный интерес представляет формирующийся

опыт сопредельных государств. Сравнительно-правовой анализ показывает, что в Российской Федерации с 5 февраля 2025 года на законодательном уровне свидания подозреваемых и обвиняемых с адвокатом официально смогут проходить посредством защищенных систем видео-конференц-связи (ВКС).

Внедрение и адаптация аналогичной прогрессивной нормы в казахстанский процессуальный кодекс способны произвести подлинную революцию в сфере обеспечения прав личности, существенно облегчив бесперебойный доступ к высококвалифицированной юридической помощи для лиц, содержащихся в удаленных следственных изоляторах (СИЗО) или изоляторах временного содержания (ИВС) в регионах с неразвитой инфраструктурой. Однако, интеграция ВКС в уголовный процесс требует не просто формального разрешения, а создания беспрецедентно жесткого законодательного каркаса. Необходима криптографическая защита каналов связи (сквозное шифрование), а также категорические императивные запреты и гарантии того, что администрация пенитенциарного учреждения (УИС) или оперативные сотрудники КНБ/МВД не смогут осуществлять техническое перехватывание или визуальное прослушивание таких сеансов связи. В отсутствие подобных железобетонных технологических и правовых барьеров данное нововведение создаст фатальную угрозу институту адвокатской тайны.

Меры пресечения: дисбаланс между необходимой изоляцией и конституционной свободой

Практика избрания мер пресечения, связанных с изоляцией от общества (содержание под стражей, домашний арест), в Казахстане исторически носит ярко выраженный репрессивный, карательный характер. Несмотря на введение прогрессивного института следственного судьи, имманентно призванного осуществлять беспристрастный и объективный судебный контроль за действиями органов досудебного расследования, процент удовлетворения ходатайств следователей о санкционировании ареста остается аномально и стабильно высоким (по различным оценкам, превышая 85-90 %). Зачастую в своих постановлениях суды ограничиваются сухим, трафаретным перечислением дежурных оснований, предусмотренных статьей 147 УПК РК (абстрактная возможность скрыться от следствия, потенциальное воспрепятствование установлению истины), без скрупулезного исследования конкретных, верифицируемых фактических данных, неопровержимо подтверждающих эти намерения.

В контексте неизбежного реформирования данного репрессивного института заслуживает пристального внимания вектор гуманизации процессуального права в соседних странах. Анализ нормативной базы свидетельствует, что с 11 марта 2025 года в РФ планируется масштабное изменение норм об избрании меры пресечения. Подобные изменения, базирующиеся на запросе общества и бизнеса, как правило, направлены на радикальное сужение оснований для применения ареста по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности и экономики (УДК 343.7 «Преступления против имущества»).

Правовая система Казахстана также испытывает острейшую потребность в более детальной регламентации критериев ареста. Содержание под стражей должно признаваться исключительно крайней мерой, *ultima ratio*, особенно для лиц, впервые привлекаемых к ответственности за ненасильственные преступления (например, по составам, подпадающим под УДК 343.5 и 343.7). Целесообразно введение математических или скоринговых моделей оценки рисков уклонения правонарушителя от суда, расширение практики применения электронных браслетов (электронный мониторинг) и кратное увеличение случаев использования залога как эффективной альтернативы изоляторам.

Цифровые активы и новые виды доказательств: правовой вакуум

Защита имущественных прав подозреваемого и обвиняемого является неотъемлемой, органичной частью системы процессуальных гарантий. Текущая казахстанская практика наложения ареста на имущество в рамках уголовного дела часто характеризуется катастрофической избыточностью: арест автоматически, всемерным способом налагается на все расчетные счета, активы бизнеса и личное имущество подозреваемого (а нередко и его ближайших родственников), что бывает абсолютно несоразмерно инкриминируемой сумме предполагаемого ущерба. Это приводит к параличу законной предпринимательской деятельности и используется как инструмент психологического давления на обвиняемого с целью получения признательных показаний.

Особую, беспрецедентную сложность в современных условиях бурного развития FinTech-индустрии представляет изъятие и наложение ареста на цифровые активы (криптовалюту, NFT, токены). Казахстан, являясь одним из мировых лидеров по объему майнинга криптовалют и развивая юрисдикцию Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), парадоксальным образом до сих пор не имеет в УПК РК специализированных, технически выверенных норм. Полностью отсутствует регламентация порядка изъятия аппаратных «холодных» кошельков, процессуального принуждения к выдаче сид-фраз (seed-phrase), а также криптографически безопасного хранения арестованной криптовалюты. Существующий правовой вакуум порождает колоссальный риск безвозвратной утраты активов или их латентного хищения (неправомерного вывода) со стороны третьих лиц, включая коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, что является грубейшим попранием имущественных прав обвиняемого.

Сравнительный анализ показывает, что в странах СНГ уже активно формируются нормативные подходы к решению этой проблемы. Достоверно установлено, что с 3 марта 2026 года в процессуальном законодательстве РФ на уровне Кодекса будут окончательно закреплены специфицированные особенности наложения ареста на цифровую валюту и жесткий регламент ее изъятия в ходе следственных действий. Казахстану жизненно необходимо не просто учесть этот опыт, а ускорить имплементацию собственных, еще более передовых процессуальных механизмов. Они должны четко, пошагово определять:

Алгоритм фиксации блокчейн-баланса криптокошелька на момент изъятия с обязательным участием сертифицированных IT-специалистов и применением видеофиксации.

Процедуру безопасного перевода цифровых активов на специализированные, мультисигнатурные государственные эскроу-счета, контролируемые Казначейством.

Механизмы прозрачного обжалования подозреваемым действий следователя по конвертации (фиатизации) цифровых активов до вынесения приговора суда.

Кроме того, огромные процессуальные пробелы наблюдаются при обращении с вещественными доказательствами, представляющими повышенную опасность для окружающих или требующими дорогостоящих условий хранения. Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить, что законодательное закрепление порядка хранения и обязательного досудебного уничтожения изъятых из незаконного оборота ядовитых веществ (метанола, метанолсодержащих жидкостей) и оборудования для их производства запланировано в РФ с 26 апреля 2026 года. Для Казахстана вопросы досудебного уничтожения вещественных доказательств (например, крупных партий контрафактной продукции, наркотических средств или прекурсоров) также являются источником постоянных процессуальных конфликтов. Уничтожение улик до вынесения окончательного приговора навсегда лишает сторону защиты права на инициирование независимых или комиссионных повторных экспертиз. Это является прямым, непоправимым нарушением фундаментального принципа состязательности сторон, поскольку обвиняемый лишается физического объекта для опровержения доводов обвинения.

Заочное производство, объединение дел и сроки расследования

Право на личное присутствие в зале суда, возможность смотреть в глаза обвинителям и непосредственное, вербальное участие в исследовании доказательств является альфой и омегой права на справедливое судебное разбирательство (fair trial). Рассмотрение уголовных дел в отсутствие подсудимого (заочное производство, *in absentia*) допускается международным правом лишь в самых исключительных, экстраординарных случаях. Однако текущие региональные законодательные тренды демонстрируют тревожную тенденцию к расширению этого института. Прогнозируется, что с 21 апреля 2025 года в соседних юрисдикциях будет законодательно расширен перечень категорий уголовных дел, которые могут быть рассмотрены в отсутствие подсудимого.

Для процессуальной практики Казахстана бездумное, некритичное копирование и расширение оснований для заочного судопроизводства представляет собой экзистенциальную угрозу для прав человека. Существует огромный риск, что данный инструмент будет использоваться правоохранительной машиной для упрощенного, конвейерного осуждения лиц, находящихся за пределами страны по политическим мотивам или из-за корпоративных (рейдерских) конфликтов, тем самым тотально лишая их возможности эффективно защищаться через независимых адвокатов. Любое гипотетическое расширение перечня статей Уголовного кодекса, подлежащих заочному рассмотрению (особенно касающихся преступлений, квалифицируемых по УДК 343.5 «Преступления против общественных устоев» и УДК 343.6

«Преступления против жизни и чести»), должно в обязательном порядке сопровождаться беспрецедентным усилением гарантий. К таким гарантиям относятся: обязательное участие независимого защитника, обладающего правом и технической возможностью поддерживать конфиденциальную связь с отсутствующим обвиняемым (например, через упомянутые ранее системы ВКС), а также жесткий, непрерывный контроль следственного судьи за каждым этапом доказывания.

Другим критически важным аспектом, напрямую влияющим на статус обвиняемого, является право на рассмотрение дела в разумные сроки. Искусственное затягивание следствия в Казахстане часто происходит из-за манипуляций следователей с процедурами постоянного выделения эпизодов в отдельные производства и их последующего бесконечного соединения. В сравнительном компаративистском контексте обращает на себя внимание норма, вступающая в силу 31 марта 2025 года, которая жестко закрепляет исчерпывающий ряд случаев, когда выявленные в ходе расследования новые преступления должны рассматриваться единым блоком, без их искусственного выделения в отдельное производство. Безусловное внедрение подобного императивного правила в процессуальную практику Казахстана способствовало бы пресечению волокиты, консолидации следственных действий, радикальному снижению бюрократической нагрузки и, самое главное, сокращению травмирующих сроков пребывания лица в неопределенном статусе подозреваемого.

Обсуждение

Внедрение института следственного судьи в архитектуру уголовного процесса Казахстана задумывалось как тектонический сдвиг на пути к достижению подлинной состязательности на самой ранней, досудебной стадии. В законодательную компетенцию следственного судьи сегодня входит санкционирование абсолютно всех видов мер пресечения, негласных следственных действий (НСД), принудительного осмотра жилища, эксгумации, а также рассмотрение жалоб (в порядке статьи 106 УПК РК) на незаконные действия или преступное бездействие следователя, дознавателя и надзирающего прокурора. Однако глубокий критический анализ реальной судебной практики показывает, что правозащитный потенциал этого прогрессивного института раскрыт едва ли на четверть.

Следственные судьи, функционирующие в рамках устоявшейся корпоративной солидарности с правоохранительной системой, в подавляющем большинстве случаев рассматривают материалы, безальтернативно представленные стороной обвинения, и в условиях искусственного дефицита времени (ограниченные сроки санкционирования) склонны некритично доверять доводам следователя. Ходатайства адвокатов о признании доказательств (протоколов обыска, записей допросов) недопустимыми (*inadmissible evidence*) непосредственно на стадии досудебного расследования удовлетворяются крайне редко, стремясь к статистической погрешности. Судьи, уклоняясь от принятия ответственности, зачастую мотивируют свой отказ тем, что всесторонняя оценка доказательств является исключительной прерогативой суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу. Подобный консервативный подход на корню нивелирует саму идею оперативного превентивного судебного контроля. Это оставляет подозреваемого в максимально уязвимом, бесправном положении на протяжении всего периода изнурительного следствия, который по сложным экономическим делам может длиться годами, разрушая жизнь и здоровье человека.

Электронное уголовное дело: цифровизация во благо или во вред?

Амбициозный и масштабный проект Генеральной прокуратуры Республики Казахстан «Е-Уголовное дело» концептуально направлен на радикальное повышение прозрачности следственного процесса, минимизацию бюрократии и полное исключение возможностей для физической фальсификации материалов (подмены листов, уничтожения протоколов). Для подозреваемого и его защитника эта цифровизация в теории означает революционную возможность оперативного, дистанционного ознакомления с материалами дела в режиме реального времени, что колоссально экономит ресурсы.

Однако на практике цифровизация судопроизводства породила новые, ранее неизвестные вызовы и скрытые угрозы для прав обвиняемых. Адвокатский корпус повсеместно сталкивается с регулярными техническими сбоями серверов, злонамеренно несвоевременной загрузкой следователями протоколов следственных действий в систему ЕРДР (что лишает защиту возможности оперативного обжалования), а также с незаконным ограничением доступа к определенным томам дела под искусственным предлогом их внезапной «секретности» или якобы технической невозможности сканирования крупных вещественных доказательств. Самая

вопиющая проблема заключается в том, что лица, изолированные в СИЗО, фактически и юридически лишены прямого цифрового доступа к своему собственному электронному делу. Они находятся в полной, рабской зависимости от того, соизволит ли следователь принести ноутбук, или распечатает ли адвокат сотни страниц процессуальных документов. Цифровизация должна служить инструментом безусловного расширения и укрепления процессуальных прав, а не возводить новые, непроницаемые технологические барьеры для ознакомления обвиняемого с фундаментом своего обвинения.

Существенное влияние на объем процессуальных прав подозреваемого оказывает нормативная категоризация преступлений (УДК 343.2/.7). Процедура уголовного преследования кардинально различается в зависимости от того, квалифицируется ли деяние как дело частного, частно-публичного или строго публичного обвинения. Особый доктринальный и практический интерес представляет турбулентное развитие норм о преступлениях против чести и достоинства личности, флагманом которых является клевета (УДК 343.6).

Исследуя сравнительные компаративные данные, мы видим, что в сопредельных правовых системах уголовные дела о клевете императивно относятся к делам частно-публичного обвинения начиная с 18 июня 2025 года. В Казахстане волнообразная декриминализация (перевод в Кодекс об административных правонарушениях) и последующая ре-криминализация подобных деяний вызывали жесточайшие дискуссии в обществе и среди правозащитников. Отнесение таких деликатных дел к категории частно-публичного обвинения означает тонкий правовой компромисс: дело не может быть прекращено за примирением сторон так же легко и бесконтрольно, как классическое дело частного обвинения, но при этом для инициации маховика уголовного преследования жестко требуется первичное, формальное заявление потерпевшего. Подобная конструкция, с одной стороны, усиливает процессуальные позиции и защиту потерпевшего, но одновременно требует обеспечения обвиняемому беспрецедентно повышенных гарантий защиты от необоснованного государственного принуждения по сугубо межличностным конфликтам. Это критически важно для предотвращения порочной практики использования уголовного процесса и ресурса следствия в качестве инструмента незаконного давления в гражданско-правовых, арбитражных или даже внутривнутриполитических спорах.

Территориальная подследственность и посткриминальные стадии

Правильное, неукоснительное определение места производства предварительного расследования (территориальная и ведомственная подследственность) самым прямым образом влияет на физическую возможность подозреваемого реализовать свое священное право на защиту. Это включает в себя доступность квалифицированного адвоката по месту постоянного жительства, возможность оперативного вызова свидетелей защиты, сбора характеризующих материалов. Законодательное уточнение и детализация правил определения места производства следствия, как это запланировано реализовать с 3 марта 2026 года, является важнейшим, назревшим шагом для предотвращения распространенной в СНГ практики искусственного, коррупциогенного изменения подследственности. Часто резонансные дела умышленно передаются в отдаленные следственные подразделения других регионов исключительно для создания логистических, финансовых и психологических трудностей стороне защиты. В Казахстане споры о подследственности традиционно разрешаются органами прокуратуры кулуарно и непрозрачно, что в условиях трехзвенной модели требует срочного внедрения четких, исчерпывающих нормативных критериев в УПК РК, исключающих любой ведомственный произвол.

Вместе с тем, процессуальные права личности отнюдь не аннигилируются с вынесением обвинительного приговора. Стадия исполнения приговора (УДК 343.8 «Исполнение наказания») также предполагает активное участие осужденного и защиту его законных интересов. Ожидаемое 14 июня 2026 года расширение круга вопросов, связанных с исполнением приговора, которые правомочен рассматривать суд, указывает на устойчивую, позитивную тенденцию к повышению роли независимого судебного контроля над закрытой пенитенциарной системой. В Казахстане чувствительные вопросы условно-досрочного освобождения (УДО), замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и изменения режима учреждения требуют дальнейшей скрупулезной судебной детализации. Это необходимо для полного исключения высоких коррупционных рисков и обеспечения процессуального равноправия между бесправным осужденным и администрацией исправительного учреждения, наделенной властными полномочиями. Более того, расширение

перечня государственных органов, в которые в обязательном порядке направляют официальную копию обвинительного приговора, прогнозируемое к 23 июля 2025 года, должно в Казахстане сопровождаться немедленной автоматизацией процессов снятия судимости. Базы данных Комитета по правовой статистике должны обновляться синхронно с решениями судов, так как несвоевременное, халатное обновление информации о статусе лица приводит к незаконным, многолетним ограничениям его гражданских и трудовых прав.

Заключение

Проведенный глубокий правовой анализ и всестороннее исследование практики обеспечения процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого в Республике Казахстан позволяют сделать однозначный вывод: несмотря на наличие внешне развитой, современной нормативно-правовой базы, реальное, фактическое положение личности в уголовном судопроизводстве требует незамедлительного и существенного укрепления защитных механизмов. Институциональное доминирование обвинительного уклона, парализующий формализм в работе следственных судей, системные недостатки в обеспечении качественной юридической помощи по линии государства, а также репрессивная практика применения арестов продолжают выступать непреодолимыми барьерами на пути к реализации основополагающего принципа состязательности сторон.

Глобальные вызовы современности, обусловленные тотальной цифровизацией экономики, переходом в киберпространство и появлением криптоактивов, требуют симметричного, адекватного и высокотехнологичного ответа со стороны уголовно-процессуального закона. Проведенный сравнительно-правовой компаративный анализ ожидаемых в 2025–2026 годах масштабных новелл в процессуальном законодательстве сопредельных государств наглядно демонстрирует, что правовые системы региона находятся в стадии активной, вынужденной адаптации к новым реалиям. Спектр этих трансформаций беспрецедентен: от внедрения систем защищенного дистанционного общения изолированных лиц с адвокатами (ВКС) до выработки сложнейших технических процедур ареста цифровой валюты и пересмотра регламентов заочного рассмотрения уголовных дел в судах.

Для Республики Казахстан, стремящейся к построению Справедливого Казахстана, критически важно не плестись в хвосте правотворчества, просто слепо копируя или заимствуя зарубежный опыт с опозданием. Казахская правовая мысль должна проактивно, на опережение формировать собственную, безупречно правозащитно-ориентированную модель процессуального регулирования, органично вписывающуюся в рамки трехзвенной модели правосудия.

Обеспечение процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого ни при каких обстоятельствах не должно рассматриваться следственными и надзорными органами как создание искусственных, досадных процессуальных препятствий для раскрытия преступлений и улучшения ведомственной статистики. Напротив, строжайшее, педантичное соблюдение этих прав является единственным объективно существующим, надежным фильтром, предотвращающим фатальные судебные ошибки, применение пыток и незаконное осуждение невиновных граждан. Переход от красивого, но декларативного равноправия сторон на бумаге к фактической, бескомпромиссной состязательности на досудебной стадии, кратное расширение полномочий стороны защиты в самостоятельном собирании допустимых доказательств, жесточайшая регламентация процедур обращения с цифровыми активами (УДК 343.7) и кардинальная модернизация институтов судебного контроля – вот те концептуальные векторы, которые способны вывести качество правосудия в Казахстане на принципиально новый, международно признанный уровень, обеспечив подлинное торжество конституционных гарантий личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Основные изменения в УПК РФ в 2025–2026 годах: обзор // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (дата обращения: 04.03.2026).

2 Изменения прав подозреваемого и обвиняемого, актуальная редакция 2025–2026 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (дата обращения: 04.03.2026).

- 3 Особенности уголовно-процессуального законодательства и перспективы развития до 2026 года // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (дата обращения: 04.03.2026).
- 4 УПК: Актуальная редакция, защита прав, заочное производство и исполнение приговора // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (дата обращения: 04.03.2026).
- 5 Уголовное право. Уголовное судопроизводство. Криминология. Криминалистика : УДК 343 // Teacode.com : справочник кодов УДК. – URL: <https://teacode.com/online/udc/34/343.html> (дата обращения: 04.03.2026).
- 6 Классификация преступлений против личности, имущества и правосудия: УДК 343.1; 343.2/.7; 343.5; 343.6; 343.7; 343.8 // Teacode.com: справочник кодов УДК. – URL: <https://teacode.com/online/udc/34/343.html> (дата обращения: 04.03.2026).

REFERENCES

- 1 Main changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2025-2026: overview // ConsultantPlus: legal reference system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (accessed: 04.03.2026). – Access mode: for registered users.
- 2 Changes in the rights of the suspect and the accused, current edition 2025-2026 // ConsultantPlus : legal reference system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (accessed: 04.03.2026).
- 3 Features of criminal procedure legislation and prospects for development until 2026 // ConsultantPlus: legal reference system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (accessed: 04.03.2026).
- 4 Criminal Procedure Code: Current edition, protection of rights, trial in absentia and execution of sentence // ConsultantPlus: legal reference system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324356/ (accessed: 04.03.2026).
- 5 Criminal law. Criminal procedure. Criminology. Criminalistics: UDC 343 // Teacode.com : UDC code directory. – URL: <https://teacode.com/online/udc/34/343.html> (accessed: 04.03.2026).
- 6 Classification of crimes against the person, property, and justice: UDC 343.1; 343.2/.7; 343.5; 343.6; 343.7; 343.8 // Teacode.com: UDC code directory. – URL: <https://teacode.com/online/udc/34/343.html> (accessed: 04.03.2026).

Б.Ж. Бисенов¹, Г.Б. Телеуев¹

¹Инновационный Евразийский университет, Казахстан

Қазақстанда күдікті мен айыпталушының процестік құқықтарын қамтамасыз ету тәжірибесін құқықтық талдау және зерттеу

Ұсынылып отырған іргелі зерттеу Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесі аясында күдіктілер мен айыпталушылар мәртебесінде қылмыстық қудалау орбитасына тартылған тұлғалардың процестік құқықтарын қамтамасыз ету тетіктерін кешенді теориялық-практикалық талдауға арналған. Қылмыстық сот төрелігінің үш буынды моделін кезек-кезеңімен енгізу, ұлттық заңнаманы реформалау және сот ісін жүргізуді жаппай цифрландыру жағдайында жеке адамның конституциялық кепілдіктерін бұлжытпай сақтау мәселелері құқықтық мемлекет құру үшін экзистенциалды маңызға ие болады. Мақалада білікті қорғауға құқықты іске асырудың негізгі жүйелік ақаулары мен коллизиялары, репрессивті бұлтартпау шараларын қолданудың шамадан тыс болуы, сондай-ақ әділ сот төрелігіне қол жеткізудегі кедергілер егжей-тегжейлі қарастырылады. Шекаралас мемлекеттердің (Ресей Федерациясының) процестік заңнамасындағы 2025–2026 жылдары күтілетін ауқымды өзгерістерге терең салыстырмалы-құқықтық талдау жасауға ерекше назар аударылады, бұл өңірлік құқықтық доктринаның дамуының стратегиялық векторларын анықтауға және озық тәжірибені Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіне (ҚР ҚПК) имплементациялаудың ғылыми негізделген жолдарын ұсынуға мүмкіндік береді. Қылмыстық процесте декларативті емес, шынайы жарыспалылықты және тараптардың абсолютті тең құқылылығын қамтамасыз ету мақсатында процестік институттарды жетілдіру бойынша тұжырымдамалық, жүйелік ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйін сөздер: қылмыстық процесс, күдікті, айыпталушы, процестік құқықтар, кінәсіздік презумпциясы, тергеу судьясы, сот ісін жүргізуді цифрландыру, қорғану құқығы, үш буынды модель, бұлтартпау шаралары, цифрлық активтер.

B. Bisenov¹, G. Teleuyev¹

¹Innovative University of Eurasia, Kazakhstan

**Legal Analysis and Research on the Practice of Ensuring the Procedural Rights
of the Suspect and the Accused in Kazakhstan**

The presented fundamental research is devoted to a comprehensive theoretical and practical analysis of the mechanisms for ensuring the procedural rights of individuals involved in the orbit of criminal prosecution in the status of suspects and accused within the legal system of the Republic of Kazakhstan. In the context of the phased implementation of a three-tier model of criminal justice, the reform of national legislation, and the total digitalization of legal proceedings, the issues of strict observance of constitutional guarantees of the individual acquire existential significance for building a state based on the rule of law. The article examines in detail the key systemic defects and collisions in the implementation of the right to qualified defense, the excessive use of repressive preventive measures, as well as barriers to accessing fair justice. Special attention is paid to a deep comparative legal analysis of the large-scale changes expected in 2025–2026 in the procedural legislation of neighboring states (the Russian Federation), which allows identifying strategic vectors for the development of regional legal doctrine and proposing scientifically sound ways to implement best practices into the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (CPC RK). Conceptual and systemic proposals are formulated for improving procedural institutions in order to ensure genuine, rather than declarative, adversarial proceedings and absolute equality of the parties in the criminal process.

Keywords: criminal process, suspect, accused, procedural rights, presumption of innocence, investigating judge, digitalization of legal proceedings, right to defense, three-tier model, preventive measures, digital assets.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.